

Теперь даже собственные дети, которых она защищала, замыслили против неё зло, что поистине охладило её сердце до предела. Госпожа Синь вдруг почувствовала усталость и, не желая больше притворяться, опустила голову и тихо произнесла:

— Ваша слуга почтительно провожает князя.

Гу Хайтан, видя, что Гу Вэньмянь собирается уйти, а Госпожа Синь даже не пытается заступиться за неё, почувствовала в душе сильное раздражение. Это почти полностью развеяло её недавние воспоминания, оставив лишь тревожное ожидание и беспокойство. С влажными от слёз глазами она посмотрела на Гу Вэньмяня и осторожно спросила:

— Отец... а Хайтан...

На этот раз Гу Вэньмянь оказался неожиданно великодушным. Возможно, он спешил уйти, поэтому лишь взглянул на неё, не задавая вопросов об ароматическом мешочке. Он почувствовал подавленность Госпожи Синь и, вспомнив, что прошло уже много дней, а Гу Хайтан находилась под домашним арестом, решил, что она, должно быть, уже исправилась и не будет так импульсивна, как раньше. Подумав, он снял с неё наказание:

— Твоя мать недавно потеряла ребёнка. Она всегда любила тебя больше всех, так что оставайся здесь с ней, пока что не возвращайся.

— Да, благодарю отца!

Гу Хайтан, услышав, что Гу Вэньмянь сказал, будто Госпожа Синь любит её больше всех, почувствовала вину и не смогла встретиться взглядом с матерью. Лишь спустя некоторое время она пришла в себя и, с видом слабости, поклонилась в ответ:

— Хайтан обязательно утешит мать и не даст ей снова страдать.

Гу Вэньмянь махнул рукой, ничего не сказав, и, развернувшись, вышел из комнаты. Вскоре его фигура исчезла вдаль: он явно спешил по делам и совершенно не заметил странного поведения между Госпожой Синь и Гу Хайтан.

После его ухода выражение лица Госпожи Синь стало ещё мрачнее. Она не сказала ни слова Гу Хайтан, а лишь слегка опустилась на кровать. Цю Фу, заметив это, поспешила подойти, помогла Госпоже Синь лечь и опустила занавески. Их действия были безмолвны, но обе явно игнорировали Гу Хайтан, которая стояла рядом и наблюдала за этой сценой.

Гу Хайтан, глядя на уснувшую Госпожу Синь, подавила охвативший её страх. Она понимала, что, хотя Госпожа Синь из-за её поступков больше не защищала и не любила её, как раньше, она всё ещё была на её стороне. Если бы она сейчас не осталась, то позже, когда Гу Вэньмянь заметил бы что-то неладное, у неё бы не осталось никаких шансов на будущее.

Думая об этом, она наблюдала, как Цю Фу уходит. Хотя ей хотелось сделать что-то ещё, но, видя, что Госпожа Синь уже спит, она лишь сжала губы и тихо села на стул, ожидая, когда та проснётся.

В это время в Дворе Линьцзян воцарилась тишина, а в Дворе Ляньхуа, где жила наложница Е из клана Гу, также царил покой. Солнечный свет проникал через резные оконные рамы, наполняя комнату золотистым сиянием. На широком подоконнике стоял большой горшок с цветущей хайтан, которая не должна была цвести в это время. Из края горшка торчала золотая ножница, срезавшая один из выступающих побегов. Его подняли нежные пальцы, покрытые

лаком, и аккуратно положили на белую нефритовую тарелку.

Большая часть комнаты была освещена солнцем, но некоторые уголки оставались в тени. Внезапно в комнате раздался очень мягкий и тихий голос:

— Значит, старшая дочь уже призналась, и княгиня казнила Матушку Цзинь?

Девушка с двумя косичками, лет двадцати, тут же ответила:

— Да, госпожа.

Пальцы слегка шевельнулись, срезая ещё одну ветку:

— А как насчёт того слуги?

Служанка, вспоминая это, немного замешкалась:

— Тот слуга... его тоже уже казнила княгиня...

Она не договорила, но было ясно, что слуга теперь в руках Госпожи Синь и, вероятно, уже мёртв. Услышав это, рука, держащая ножницы, опустила их, пальцы коснулись цветка хайтан, размером с маленькое зеркало. Ярко-красный лак на ногтях стал ещё заметнее, когда пальцы мягко коснулись лепестков.

— Он ничего не сказал?

Служанка, видя, что её госпожа совершенно спокойна, сделала шаг вперёд и ещё тише ответила:

— Доложу вам, госпожа, его семья у нас в руках, он не посмеет ничего сказать княгине. Вы можете быть спокойны.

Рука медленно опустилась, и она отошла от окна, направляясь в тёмную часть комнаты. Её голос оставался спокойным, без тени напряжения:

— Тогда всё в порядке.

Не успела она закончить фразу, как уже уселась за стол, изящной рукой взяла чайник и налила себе чай. Её взгляд был прикован к светло-зелёной жидкости, на поверхности которой плавали розоватые лепестки. Её пальцы мягко провели по тонкому фарфору чашки, украшенному изображениями птиц и цветов.

— Потеряв одну опору и своего ребёнка, нынешняя княгиня теперь, должно быть, понимает ту боль, которую она причинила мне в прошлом. Тем более что эта боль исходит от её любимой дочери. Это так прекрасно... В этой ситуации я также должна поблагодарить четвёртого молодого господина. Если бы он не отвлек внимание княгини, я бы, вероятно, не смогла бы так легко добиться успеха...

Служанка, услышав это, на её лице мелькнуло задумчивое выражение:

— А что вы хотите, госпожа?

— Четвёртый молодой господин уже не тот, что раньше. Сейчас он влиятельная фигура, и с ним нельзя обращаться легкомысленно.

Одетая в розовую блузку и юбку, с лисьим воротником, прикрывающим шею, Е Демен, несмотря на средний возраст, выглядела молодо и привлекательно. Её глаза сияли, словно у шестнадцатилетней девушки, но в глубине её взгляда скрывалась мудрость, приобретённая с годами.

Выслушав слова служанки, она задумалась о том, что сделал Гу Чжису за последнее время, и через мгновение приняла решение, твёрдо сказав:

— Через некоторое время, когда придёт подходящий момент, я лично встречу с ним. Если его цели не противоречат моим, мы сможем сотрудничать и достичь взаимной выгоды.

Служанка кивнула, не осмеливаясь пренебрегать словами госпожи, и через мгновение осторожно спросила:

— А если мы пойдём к четвёртому молодому господину, что вы хотите подарить?

— Я помню, несколько лет назад князь подарил Чжимину набор письменных принадлежностей прошлой династии. Чжимин всегда бережно хранил его и не решался использовать. Сейчас он, вероятно, уже почти забыл о нём.

Е Демен, не раздумывая долго, приняла решение и, сказав это, быстро подошла к туалетному столику. Она открыла свою шкатулку и достала маленькую серебряную коробочку. Открыв её, она долго смотрела на содержимое, а затем, с лёгкой улыбкой, передала её служанке, твёрдо сказав:

— Кроме письменных принадлежностей, отправьте ещё и это.

Служанка, увидев коробку, не смогла сдержать удивления:

— Но госпожа, это же...

— Эти два подарка — лишь символы, и они слишком ценны, чтобы он их принял.

Е Демен, наблюдая, как служанка осторожно держит коробку с нежеланием её передать, с интересом улыбнулась, её взгляд стал глубоким, и она сделала шаг вперёд, добавив:

— Но, увидев их, он точно поймёт мои намерения и, когда мы встретимся, вернёт их мне. Не ждите, пока я пойду, отправьте этот подарок сейчас, но сделайте это незаметно.

Служанка, услышав это, не осмелилась ослушаться и поклонилась:

— Да, госпожа.

Как только служанка убрала коробку и собиралась уйти, в комнату вошла другая девушка и, обращаясь к сидящей за столом Е Демен, с радостной улыбкой тихо доложила:

— Госпожа, князь уже прошёл ворота Чуйгун и направляется сюда.

— Правда?

Е Демен не ожидала, что в такое время дня, сразу после визита к Госпоже Синь, Гу Вэньмянь придёт к ней. Она почувствовала, что её лицо засияло, и, подумав о том, как Госпожа Синь, только что потерявшая ребёнка, отреагирует на эту новость, её улыбка стала ещё слаще, а голос — более нежным. Она невольно подняла руку, чтобы поправить причёску.

<http://bllate.org/book/16652/1526126>